

А.Н. Дзиговский (Одесса)

ЦАРСТВО ФАРЗОЯ: ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Немногим более полувека назад увидела свет статья П.О. Карышковского «З історії греко-скіфських відносин у Північно- Західному Причорномор'ї (про монети царів Фарзоя та Іннсімея, карбовані в Ольвії)», где автором был изложен целый ряд остроумных замечаний, касающихся характеристики данных монет, времени и исторических обстоятельств их чеканки, этнической принадлежности царей Фарзоя и Иннсімея¹. Несмотря на пересмотр исследователем несколько позднее своей же первоначальной хронологии эмиссий указанных монет², его выводы о том, что сарматские базилевсы Фарзой и Иннсімей чеканили в Ольвии, соответственно, свою золотую и серебряную монеты, начиная с середины 50-х и заканчивая самым началом 80-х гг. I в. н.э. стали, практически, общепринятыми. Последнее в полной мере касается и выводов П.О. Карышковского относительно границ «царства» Фарзоя, определявшихся автором к западу и северо-западу от Ольвии³, которые впоследствии были приняты и даже несколько конкретизированы М.Б. Щукиным⁴ и Ю.Г. Виноградовым⁵.

По состоянию на сегодняшний день, накоплено вполне достаточно новых археологических материалов, позволяющих еще более конкретно говорить о границах подвластных Фарзою земель, в особенности когда речь заходит о юго-западных пределах последних. Среди артефактов, имеющих прямое отношение к занимающей нас проблеме, прежде всего, следует отметить находку у п. Тараклия (Молдова) антропоморфной стелы с изображением тамги схемы Фарзоя и материалы казаклийского погребального комплекса (к. 10, п. 1). Стела была установлена в древности на вершине самого высокого кургана (№10), входившего в состав курганной группы Тараклия II⁶, а казаклийский комплекс представлял собою основное сарматское (аланское) погребение, датирующееся 60-70-ми гг. I в. н. э.⁷ При этом, крайне важно подчеркнуть, что оба кургана входили в состав единой группы разновременных курганов, расположенных на плато левого берега р. Ялпуг*. Состав инвентаря сарматского погребения у с. Казаклия хотя и определяет более широкую его датировку (середина - вторая половина I в. н. э.)⁸, тем не менее «нижняя» дата комплекса, хронологически, вполне сопоставима со временем правления этого сарматского царя⁹. Последнее обстоятельство, равно как и сам факт расположения упомянутых выше курганов в составе единой курганной группы, позволяют предполагать возможность прямой событийной связи между церемонией совершения указанного сарматского захоронения с процедурой

* Искренне признателен С.М. Агульникову за предоставленную информацию.

установки, в древности, стелы с изображением тамги схемы Фарзоя на вершине самого высокого кургана в округе, когда данная стела могла быть своеобразным «репером», маркирующим границы владений Фарзоя на юго-западе его «царства», куда, вероятно, входила и какая-то часть Буджака¹⁰. Причем, интересно отметить, что весьма подобное изображение тамги схемы Фарзоя имеется еще на одной каменной стеле, обнаруженной, однако, совершенно в противоположном направлении¹¹, которая, возможно, «маркировала» северо-западные пределы его владений¹².

Предположение о вхождении какой-то части Буджака в состав подвластных Фарзою территорий находит свое подтверждение среди нумизматических материалов, полученных в результате исследования античной Тире. Так, здесь за период археологических работ с 1998 по 2005 гг. было выявлено более десятка ольвийских медных монет с изображением Зевса и орла, которые в ходе раскопок на памятнике в последнее время встречаются регулярно. Причем, наличие среди них экземпляров с клеймом в виде кадуцея, а также с изображением кадуцея, врезанным в основной штампель, позволяют утверждать, что в Тире представлены практически все выпуски этой группы ольвийской городской меди, начиная со второй и заканчивая последней, восьмой эмиссиями¹³. Как известно, монеты второй и третьей эмиссий этой группы ольвийской меди синхронны первой эмиссии золота Фарзоя (статеры без дат); четвертой, пятой, шестой эмиссий - также первой эмиссии золота Фарзоя (статеры с датами); седьмой эмиссии - второй эмиссии золота Фарзоя (тяжелые ауреусы) и, наконец, последней, восьмой эмиссии - третьей эмиссии золота Фарзоя (легкие ауреусы), что по времени соответствует периоду, начиная с середины 50-х и заканчивая самым концом 60-х годов I в. н.э.¹⁴, либо 55-56 - 69-70 гг. н.э.¹⁵ Однако факт затертости большинства монет данной группы ольвийской меди, найденной в Тире, может поставить под сомнение правомерность их такой жесткой хронологической привязки к эмиссиям золота Фарзоя при определении времени обращения этой меди в данном античном городе. С другой стороны, не следует также и забывать, что в частных коллекциях хранятся, по меньшей мере, две золотые монеты Фарзоя, происходящие из Тире и представляющие собой, согласно классификации П.О.Карышковского, легкие ауреусы третьей эмиссии, которые чеканились в Ольвии вскоре после 64 г. н.э. и вплоть до начала правления Веспасиана¹⁶. В таком случае, эта жесткая связь вполне обоснована применительно и к Тире, хотя бы при определении времени обращения здесь упомянутых ауреусов третьей эмиссии, которые, опять таки, синхронны ольвийским медным монетам группы Зевса последней, восьмой эмиссии, находки которых в свою очередь как уже отмечалось, известны среди нумизматических материалов, обнаруженных в

этом полисе. Кроме того, необходимо помнить и о том, что по всей вероятности из Бессарабии происходит золотая монета Фарзоя, датирующаяся 7 г. ольвийской эры, представляющая собой статер аттической системы первой эмиссии, а «в реке Прут» была найдена еще одна, представляющая собой тяжелый ауреус второй эмиссии¹⁷, которые могли попасть в указанные районы именно из Тиры. И тогда, если данное предположение допустимо, а находки в Тире золота Фарзоя третьей эмиссии делают его вполне таковым, первая из них, т.е. статер первой эмиссии с датой, мог в хронологическом плане соответствовать ольвийским медным монетам группы Зевса пятой эмиссии, тогда как вторая (тяжелый ауреус) - седьмой, которые также известны среди тирасских нумизматических материалов.

Находки в Тире ольвийской меди группы Зевса второй - восьмой эмиссий и золотых монет Фарзоя третьей эмиссии позволяют, в полной мере, поставить вопрос о характере взаимоотношений этого сарматского царя и Тиры во второй половине 50-х - 60-е гг. I в. н.э. Данная проблема не нова и уже поднималась исследователями. Предполагается, что Фарзой был «римским клиентным правителем», который по подсказке и с согласия Рима был связан союзом - симмахией с греческими городами Северо-Западного Причерноморья, в нашем случае, с Ольвией и Тирой¹⁸. В то же время, также не лишена оснований и совершенно противоположная точка зрения на характер взаимоотношений Фарзоя и Ольвии с одной стороны, и Рима - с другой, в частности, предположение о возможности существования в середине - второй половине I в. н.э. антиримского союза Ольвии и объединения Фарзоя¹⁹.

В свое время, мною было высказано предположение о возможности прямой событийной связи между переходом Фарзоя, в 60/61 г., на чеканку своего золота по римским весовым нормам, «волнениями сарматов и войной», имевших место в 62 г., о которых упоминается в ольвийском декрете, найденном под Мангутом в Крыму и подавлением наместником провинции Мёзия Тиберием Плавтием Сильваном в том же 62 г. этих «волнений»²⁰. Тогда же был поставлен и вопрос не являются ли данные события следствием какого-то явления чрезвычайного порядка, знаменовавшего собою прямой вызов или непосредственную угрозу самому Риму и, в свою очередь, в качестве ответа на него был предложен тезис, что такой угрозой могло быть появление в Северо-Западном Причерноморье новой сарматской (аланской) орды, царь которой и чеканил в Ольвии свою золотую монету²¹. Представляется, что теперь, в этот ряд взаимосвязанных между собой событий, вполне правомерно будет включить и церемонию совершения аланского погребения у с. Казаклия, и процедуру установки на вершине кургана у п. Тараклия каменной стелы с изображением тамги схемы Фарзоя как событий, практически совпадающих по времени с вышеуказанными. Более того, крайне важно отметить, что и казаклийский комплекс, и курган, где была установлена стела с изображением тамги схемы Фарзоя, которые, вероятнее всего, «маркировали» собою юго-западную границу его «царства», располагались достаточно близко (менее 80 км к северу) от

низовий Дуная, в частности, от современного с. Орловка (Картал), в районе которого в древности находились наиболее удобная в нижней части Дуная переправа и напротив, на противоположном правом берегу реки - римский Новиодунум. Как известно, в 46 г.н.э. Фракия была превращена в римскую провинцию, в результате чего Добруджа вошла в состав ранее образованной провинции Мёзия²². Таким образом югозападные пределы подвластных Фарзю земель расширились в этом направлении практически до левого берега Дуная и едва ли не «стыковались» с северо-восточной границей провинции Мёзия, то есть частью границы самой Империи, проходившей здесь по правобережью Нижнего Дуная, что никак не могло не встревожить Рим. И тогда становится вполне очевидным, по какой причине Плавтий Сильван после своего вступления в должность мезийского наместника в качестве первого своего мероприятия по охране северной и северо-восточной границ вверенной ему провинции в 60 или 61 г. провел акцию по переселению в пределы данной провинции более чем 100 тысяч задунайских варваров, вероятнее всего даков, у которых с ордой Фарзю после ее появления в Северо-Западном Причерноморье возможно, сложились вассальные отношения²⁵. Эта акция была отнюдь не мирной, о чем свидетельствует гибель в огне пожаров в это время ряда гето-дакийских поселений Мунтении, юга Запрутской Молдовы и даже Бессарабии²⁶.

Вторым по порядку, в списке деяний Плавтия Сильвана в должности легата Мёзии, о которых повествует его эпитафия, значится подавление им в 62 г. «начинающегося движения сарматов»²⁷, и под этим подавлением необходимо понимать активные военные действия мезийского наместника именно против сарматов орды Фарзю²⁸. Данные действия, как представляется, носили приоритетный характер, хотя и имели место, очевидно, в ходе комбинированной (сухопутноморской) «херсонесской экспедиции» Плавтия Сильвана²⁹. В нападении другим варварам и в качестве показательной акции именно на правый, римский берег Дуная³⁰ Плавтий Сильван и должен был привести «неизвестных раньше или враждебных народу римскому царей..., чтобы они почтили римские значки»³¹, среди которых, возможно, был и сам Фарзю³².

Возвращаясь к вопросу о характере взаимоотношений Фарзю и Тиры следует заметить, что, вероятнее всего, они мало чем отличались от тех протекторатных отношений, которые сложились у этого сарматского вождя с Ольвией, когда в обмен на номинальное ему подчинение, признание его «басилевсом» и выпуск его царских монет, город оставлял за собой право сохранить «традиционные органы полисного государственного аппарата»³³. Наличие среди тирасских нумизматических материалов ольвийских медных монет группы Зевса второй, третьей, четвертой и пятой эмиссий, приходящихся на 55-56, 56-57, 57-58 и 58-59 гг., соответственно, а также наличие среди находок золотых монет Фарзю статера первой эмиссии, датирующегося 7 г. ольвийской эры, отчеканенного в 58-59 гг.³⁴, который, возможно, происходит из Тиры, позволяют, достаточно осторожно, предположить, что где-то между 55-56

и 58-59 гг. Фарзой мог подчинить своим интересам и Тиру.

В отмеченный промежуток времени, хронологически «вписывается» и факт принятия этим городом особой эры, начало которой приходится на 56 или 57 гг.³⁵ Введение в греческих городах в период Империи собственных эр как правило являлось указанием на изменения их политико-административного статуса³⁶. Поэтому данное весьма немаловажное событие в истории Тиры, как правило, связывалось с деятельностью Плавтия Сильвана, в период мезийского наместничества которого город, если даже и не вошел в состав провинции Мёзия, то, по меньшей мере, находился в зависимости от Империи³⁷. Однако следует заметить, что дата мезийского наместничества Плавтия Сильвана, определяемая 56-66 либо 57-67 гг.³⁸, весьма спорна. Так, к примеру, Ю.Г. Виноградов придерживался точки зрения о том, что назначение Плавтия Сильвана на должность легата Мёзии состоялось в 60 г.³⁹, а М.Б. Щукин, в качестве даты мезийского наместничества Плавтия Сильвана, определял период 60-69 гг.⁴⁰ Необходимо добавить, что и сам П.О. Карышковский, который, определял данное событие 57-67 гг., судя по всему, также полностью не был уверен в своей правоте, поскольку в одних своих исследованиях он определял эту дату 60-67 гг., а в других, определяя ее все же 57-67 гг., отмечал при этом, что нельзя исключать в качестве даты вступления Плавтия Сильвана в должность наместника Мёзии и 60 г.⁴¹ Следовательно, главный аргумент сторонников прямой событийной связи между введением в Тире особой эры и деятельностью Плавтия Сильвана в должности легата Мёзии, как теперь представляется, становится менее основательным, в равной степени, как и становится очевидным явное несоответствие дат начала местной тирасской эры и вступления в должность мезийского наместника Плавтия Сильвана, которые разделены между собою, как минимум, тремя годами.

Безусловно, крайне заманчиво было бы связать введение в Тире особого летоисчисления с установлением протектората Фарзой над этим городом, на основании предположения о том, что ольвийская эра, возможно, была эрой Фарзой⁴². Но тогда, действительно, становится совершенно непонятно, почему эта особая тирасская эра продолжала применяться в официальных документах и в те времена, когда город уже «несомненно входил в состав провинции Мёзия»⁴³. Впрочем, существует, заслуживающая очевидного внимания, точка зрения и о том, что Тире могли быть дарованы Римом какие-то важные для города права и привилегии еще до мезийского наместничества Плавтия

Сильвана, что и ознаменовалось принятием здесь в 56 или 57 гг. новой эры⁴⁴.

И вполне возможно, что эти права действительно могли быть признаны и со стороны Фарзой⁴⁵, скажем в том же 58 или 59 гг., когда над Тирой, пускай и номинально, мог быть установлен протекторат этого сарматского царя.

- ¹ Карышковський П.Й. З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї (Про монети царів Фарзоя та Іспелсімея, карбовані в Ольвії) // АП УРСР. – 1962. – Т.ХІ.
- ² Карышковський П.О. Ольвія и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 6-28.
- ³ Карышковський П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982. – С.76, 77; Карышковський П.О. Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 115.
- ⁴ Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. – 1989. – №1. – С. 74; Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. – СПб., 1994. – С.213; Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время // SP. – 2011. – №4. – С. 169, 170, рис. 2, II).
- ⁵ Вишоградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. – 1994. – №2. – С.168, прим.98.
- ⁶ Агульников С.М., Бубулич В.Г. Антропоморфная стела с сарматским знаком из окрестностей п. Тараклия // ССНК. Т. XV. – Запорожье, 2009. – С. 3–5.
- ⁷ Agulnicov S., Bubulici V. Tumul sarmatic din sec. I P. CHR. De la lângă satul Cazaclia // TIRACO-DACICA. – 1999. – Т.ХХ, №1–2. – Р. 293.
- ⁸ Агульников С.М., Бубулич В.Г. Сарматский курган I в.н.э. у с. Казакия // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.П. Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 10-15; Агульников С., Бубулич В. Сарматская стела с тамгой из окрестностей п. Тараклия // Tyragetia. – 2010. – Vol. IV [XIX]. – nr.1. – С. 207.
- ⁹ Карышковський П.О. Ольвія и Рим... – С.23; Дзиговський А.П. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. – Одесса, 2003. – С.97-100; Агульников С.М., Бубулич В.Г. Антропоморфная стела... – С. 4.
- ¹⁰ Дзиговський А.П. О юго-западной границе царства Фарзоя // Матеріали міжнародної наукової конференції «Сарматія від Алтаю до Дунаю» (до 30-річчя відкриття «царських» поховань біля с. Пороги Ямпільського р-ну). – Вінниця, 2014. – С. 12–13.
- ¹¹ Драчук В.С. Стела со знаками из Тербовельщины // СА. – 1957. – №2. – С. 343-344.
- ¹² Щукин М.Б. Сарматы на землях... – С. 74.
- ¹³ Bulatovich S., Samoilova T. New date on relationships between the ancient greek polis of the north-western Black Sea littoral (Tiras-Olbia) // BAR International Series

2240. – Oxford, 2011. – S. 24; Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 13; Монеты Ольвии. – С. 111.
- ¹⁴ Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 14-15, Табл.1; 17, Табл.2.
- ¹⁵ Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 90, Рис.18; 91.
- ¹⁶ Алексеев В.П. Монеты царя Фарзоя из Тира // SP. – 2000. – №6. – С. 174-177; Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 14-15, Табл.1; 15,16; 17, Табл.2.
- ¹⁷ Карышковский П.О. О монетах... – С. 77; Ольвия и Рим... – С. 16.
- ¹⁸ Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари // Археология. – 1997. – №4. – С. 54, 55; Алексеев В.П. Монеты... – С. 177; Bulatovich S., Samoilova T. New date... – P. 24; Посова Л.В. Тира середины I в.н.э.: политическая история по данным пумизматики // SP. – 2014. – №6. – С. 323.
- ¹⁹ Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. – К., 1991. – С. 86.
- ²⁰ См. об этом Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166–167.
- ²¹ Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 96-97, 98.
- ²² Златковская Т.Д. Мезия в I и II веках нашей эры (к истории Нижнего Дуная в римское время). – М., 1951. – С. 51; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985. – С. 84.
- ²³ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 165, 166.
- ²⁴ Златковская Т.Д. Мезия... – С. 58, 59; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город... – С. 91.
- ²⁵ Воронятов С.В. Локализация бастарнов и некоторые другие проблемы этнологии Плавтия Сильвана Элиана // АСГЭ. – 2013. – №39. – С. 151, 152.
- ²⁶ Vichir G. 1996. Date noi cu privire la patrunderea sarmaților în teritoriul geto-dacic (II) // SCIVA. – 1996. – №3. – Т. 47. – P. 302, 303, 304.
- ²⁷ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166.
- ²⁸ Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 96-97, 98.
- ²⁹ Пукин М.Б. На рубеже эр... – С. 216; Воронятов С.В. Локализация бастарнов... – С. 152-154, 158.
- ³⁰ Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 166; Воронятов С.В. Локализация бастарнов... – С. 157.
- ³¹ Dessau 1892: 214-215, 986; Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. – М., 1957. – С. 174, прим. 22;
- ³² Карышковский П.О. З історії... – С. 121.
- ³³ Карышковский П.О. О монетах... – С. 73, 74; Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы... – С. 86; Виноградов Ю.Г. Очерк... – С. 168.
- ³⁴ Карышковский П.О. Ольвия и Рим... – С. 14, 15, Табл. 1; 22; Дзиговский А.Н. Очерки... – С. 90, Рис. 18; 91.
- ³⁵ Беккер П.В. Гражданский быт тиритов при римских императорах. – Одесса, 1849. – С. 18; Карышковский П.О. Из истории Тира в I–II вв. н.э. // МАСП. – 1971. – Вып. 7. – С. 153, 154, прим. 20.
- ³⁶ Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари. – С. 53.
- ³⁷ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 90-95.

- ³⁸ Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. – К., 1977. – С. 10; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 91; Воронягов С.В. Локализация бастартов... – С. 149
- ³⁹ Вишюградов Ю.Г. Очерк... – С. 166. см. библи. прим.80.
- ⁴⁰ Шукин М.Б. Две репинки: о Фарзое и надписи из Мапгуна, о царе Артавазде и погребении в Косике // ВДИ. – 1995. – №4. – С. 177.
- ⁴¹ Карышковский П.О. Из истории Тира... – С. 155; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 91.
- ⁴² Карышковский П.О. О монетах... – С. 73.
- ⁴³ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – С. 92.
- ⁴⁴ Соп П.А. Тира римского времени. – К., 1993. – С. 26, 27, 28.
- ⁴⁵ Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари. – С. 54.